

85.143(2Рос=Рус)

К 59

САМЫЕ
ЗНАМЕНИТЫЕ
ЖИВОПИСЦЫ
РОССИИ

Иван Иванович Шишкин

1832 г., Елабуга, Вятская губ. — 1898 г., Петербург

Искусство Ивана Шишкина удивительно ясно, просто, прозрачно. Его картины — гимн живой природе, гимн ее красоте. С чем сравнить его творчество, как не с тихой и привольной, задушевной и теплой русской песней? Разве все мы не видим наши леса и поля, разве не видели и его современники середины XIX века все тех же сосновых лесов и спеющей в полях ржи? Конечно, видели. Но именно он, Иван Шишкин, возвел эту обыденную простоту и привычную всем красоту на высокий пьедестал искусства. Он создал ландшафтное искусство с буйными хвойными зарослями, с неохватным раздольем, со всей простой красотой северного русского пейзажа. Но чтобы писать эту кажущуюся простоту, от художника требовался как сильный темперамент, так и виртуозное владение техникой живописи. Но все же главное в нем — умение быть певцом естественной любви человека к живому миру и родной природе.

В Елабуге, где родился Шишкин, есть его дом-музей. И посетивший его попадает сразу же в другой век, XIX. Скрипят старые ступени, слышен звук мелодичного звона старых часов, а за прозрачными шторами — широкое приволье, Русь бескрайняя. И вспоминается знаменитое полотно художника «Лесные дали», написанное Шишкиным в 1884 году.

Он родился в семье небогатого купца. Но отец смог понять и поддерживать странное для их среды желание сына — стать художником. Он отправляет сына в Москву, где тот с 1852 по 1856 год учится в Московском училище живописи и ваяния под руководством А.Н. Мокрицкого (бывшего ученика А.Г. Венецианова). Потом он поступает в Петербургскую Академию художеств, где продолжает обучение у пейзажиста С.М. Воробьева. Его успехи были стремительны, он получал одну награду за другой. Одна из них (самая главная) — золотая медаль за две картины одного названия — «Вид на острове Валааме. Местность Кукко» (1860).

В 1862 году Шишкин едет за границу в качестве пенсионера Академии и работает в Германии и Швейцарии до 1865 года. Но успевает посетить и Францию, и Чехию, и Бельгию и Голландию. Он отчасти разочаровывается в своих иноземных наставниках и в авторитетах швейцарских пейзажистов. Зато лучше начинает понимать себя, четко осознает свою силу и свой собственный творческий путь. Ему теперь страстно хочется домой, чтобы воплотить обдуманное и замысленное. Но все же перед отъездом из Дюссельдорфа Шишкин устраивает выс-

И. И. Шишкин. Зима. 1890

тавку своих рисунков пером. Его работы вызывают восторги у публики, а потом о них еще долго вспоминают и начинают рассказывать необыкновенные легенды о русском мастере. Люди же торгующие вмиг все поняли и стали как нечто особо ценное хранить у себя его рисунки.

Вернувшись в Петербург, Иван Шишкин вступает в дружеские творческие отношения с Артелью художников. Эта дружба оказалась крепкой, связавшей их на всю жизнь. В Товариществе передвижных художественных выставок (существовало с 1871 по 1923 год) он особо ценил мнение И. Н. Крамского. Теперь всю свою тоску по родине, испытанную за границей, он бросит щедро в краски, на холст. Он пишет жадно и с наслаждением. Его первый шедевр стал таким гимном радости — «Полдень. В окрестностях Москвы» (1869). И несмотря на то, что его личная жизнь сложилась печально (он дважды женился по любви, и дважды любимых уносила смерть, умирали и его сыновья), Шишкин остался в живописи настоящим поэтом, не позволившим себе свои страдания перенести на холст. Чем больше он боролся со своим горем — тем ярче возгоралось в нем ощущение красоты жизни.

Его называли «царем леса». И он действительно был царствен в своей любви к русскому лесу. Он умел его писать, улавливая тончайшие нюансы света, тени и цвета. Это была ювелирная работа. Это было редчайшее чувство световоздушной среды. Он пел свои полотна. Пел на одном дыха-

нии. Так писались и «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии» (1872), и «Рожь» (1878), и «Лесные дали», и многие другие.

«Рожь»... День тихий, погожий. И нива спеющих хлебов — главного русского богатства — раскинулась просторно и мощно. И словно стражи стоят сосны-великаны, поднимаясь к самому небу. Художник добился невероятного — реального ощущения тишины. Но толпятся у горизонта кучевые облака, парит. И пока еще не колышется ни один колосок, пока еще замерли в торжественной тишине сосны — мы чувствуем, что быть грозе. Некоторая минорная нота звучит в этом пейзаже. Но именно она-то и дает нам почувствовать эту глубину «простоты и наивности», что всегда была присуща художнику.

Он казался чересчур прозаичным. Но разве, глядя на его полотно «Рожь», не вспоминали они строки Фета и Никитина, Некрасова и Кольцова? Разве это только «прозаизм» вот так пропеть гимн благоухающему царству хлеба?! Разве не радуется, что Шишкин умеет передать смотрящему запах дорожной пыли и аромат цветов?

«Лесные дали»... Эту картину часто называли символом самой России, с ее панорамами лесов, тонущих в сизоватой дымке. Ее композицию полагали просто совершенной: одинокая сосна стоит справа, словно начиная рассказ и уводя взгляд все дальше и дальше. Рядом с ней — две каменные глыбы (некоторые знатоки его творчества видели в глыбах два каменных надгробия и одинокого художника рядом с ними). Некоторая грусть «начала» тут же переходит в другое настроение — взор движется к солнечной поляне, следует к девственному бору. А в высоком небе — непременные облака, в которых отражаются и лес, и река. Художник не спеша чередует планы, словно на плечи сказочного великана опирается на русское приволье. Такой простор не знает начала и не ведает о конце. В таком просторе — наше богатство, наше душевное здоровье, наше величие. Конечно же, картина такая доступна только любящему сердцу. А Шишкин и не скрывает своей любви.

Шишкин работал много, ежедневно и тщательно. Сам он приводил в пример Золя, который писал ежедневно и не ждал «пресловутого вдохновения». Он не прятался от дождя и грозы — выходил под дождь и вбирал в себя все впечатления — запоминал свет, цвет и линии грозной природы. Он часто писал с природы — сидел на лугу и писал дубы, под вечер его можно было застать у пруда пишушим ивы, а утром ни свет ни заря он уходил в деревню и по дороге делал зарисовки полей. Все минуты в природе он воспринимал как неповторимые, всегда разные, изменчивые.

Во второй половине 1880-х годов в работах Шишкина стали появляться новые оттенки. «Тон почуял», — говорил о нем И. Крамской.

Он больше уделяет внимания общей атмосфере картины, ищет то, что объединяло бы все предметы некоей общей световоздушной средой. В этот период написаны «Сосны, освещенные солнцем», «Дубы», «Мордвиновские дубы», «Осень» и другие. Особенно прекрасно полотно «Дождь в дубовом лесу» (1891) — в этом атмосферном пейзаже явлена дивная красота природы. В этом же году состоялась персональная выставка Ивана Шишкина из 60 этюдов, рисунков и гравюр. В 1894 году увидел свет альбом «60 офортов И.И. Шишкина». И в этой технике Шишкин не знал в ту пору равных и изучал ее, будучи преподавателем Академии художеств (он использовал фотографию для более детального «изучения природных форм»).

Последняя картина художника — «Корабельная роща». Ее иногда называют картиной-завещанием. В ней Шишкин выразил все, что чувствовал, что умел, о чем думал. Снова он пишет русский лес, который великолепной колоннадой вздымается к лазурному небу. Он соединил могущество сосен, стоящих стеной величественной и несокрушимой, с благостным летним светилом. Блики солнца играют в теплых водах ручья. Светом, именно светом жизни пронизано все полотно. Можно сказать, что в холсте присутствует даже и некоторая скульптурность — и в самих деревьях, в их мощных корнях, и в сколах дикого камня, что лежат тут тысячи лет. Волшебство бликов завораживает. Кажется, что пахнет хвоей и смолой. Аромат вечной юности смешивается с ароматом вечной древности. Жарко. И мы устремляемся в чашу, пронизанную световыми дорожками. Лесной пейзаж кажется необъятным. Шишкин создал роскошные цветовые композиции, не нарушив, однако, ни меры, ни гармонии подлинного. Шишкин сдержан и величественен. Его картина поет.

И все же его современники как бы даже и стеснялись своей любви к его полотнам. Даже Н. Крамской, который считал Шишкина гением, иногда словно бы и оправдывался за свою страсть к его столь простому творчеству. Шишкин казался бесхитростным и очень простодушным среди страстей, что несло в себе его время. А он все же имел мужество оставаться верным себе, не менять своей провинциальной умиротворенности. Он не отвечал на уколы и упреки и писал, упрямо писал «однообразные и скучноватые» для кого-то дожди и закаты, радуги и лунные ночи. Недаром Крамской же назвал его «верстовым столбом» в развитии русского пейзажа. Ведь без него, теперь мы это понимаем, не было бы очень важной страницы в русском изобразительном искусстве. Его новаторство — в устойчивости, в постоянстве, в верности однажды выбранному пути.

Он умер внезапно. Он и сам хотел смерти мгновенной. «8 марта 1898 года Шишкин рано утром, как всегда, вошел в мастерскую, широко-

плечий, с шапкой седых вьющихся, непокорных волос, полный энергии. Писал, потом приготовил второй холст, сделал еще рисунок. Прочел газеты о торжественном открытии музея Александра III. Пробыл немного у своих родных, потешался над синичкой, бранил ручного скворца, залетевшего к нему на голову... Потом вдруг пожаловался на слабость, вспомнил, что плохо спал последние две ночи... Но возвратился в мастерскую, сел рисовать картину углем... Затем его помощник услышал, что Иван Иванович зевнул, и, взглянув на него, вмиг заметил, что рисунок падает из рук живописца...» (И. Догополов).

А мы? Мы по-прежнему преобразуемся, подходя в Третьяковке к его полотнам. Все бесконечно родное, что заключено в его полотнах, нас лечит своей чудесной силой. Силой природы, в которой есть и тепло, и доброта, и тишина, столь необходимая человеку городскому. Шишкин нарисовал душу русской природы, а значит, и нашу тоже, отраженную в ней.